

глагольными рифмами, как и в трагедии «Рослав». Ряд других показателей свидетельствует о том, что «Ольга» была написана ранее «Рослава». Так, например, архаическая форма инфинитива в двуглагольных рифмах встречается только в первых двух актах «Рослава» и в дальнейшем совершенно исчезает из трагедий Княжнина. Между тем, в «Ольге» мы находим эту форму в шести случаях (в «Дидоне» — 9).

Приурочение «Ольги» к периоду 1776—1783 годов вызывает вопрос: почему она не была обнародована тогда же? В цитированной выше статье М. О. Габель полагает, что публикации «Ольги» препятствовало то, что Ольга читалась церковью как святая.⁶ Неосновательность этого заключения видна хотя бы из того, что тогда же, в 1779 году, была издана трагедия Ф. П. Ключарева «Владимир Великий». Одной из причин появления в свет «Ольги» было, несомненно, опубликование в 1778 году трагедии Ф. Я. Козельского «Велесана», представляющей собою оригинальную попытку воссоздания образа исторической Ольги.⁷ Дата публикации «Велесаны» и дает нам *terminus ante quem* создания «Ольги». О других причинах будет сказано ниже.

III

Уже к 20-м годам XIX века почти всеми было признано, что Княжнин — драматург, охотнее других пользовавшийся готовыми образцами, преимущественно западными — французскими и итальянскими. Особенно категоричен отзыв А. Ф. Мерзлякова, канонизованный Гречем в его «Опыте краткой истории русской литературы». «Он подражал всем французским трагикам вместе, или лучше, переводил из них. — Это не Сумароков! Почти ни один план, ни один характер, ни один монолог не принадлежит ему».⁸ Позднейшие исследователи несколько смягчили этот приговор. Ю. А. Веселовский, например, считал, что «Княжнин никогда не заимствовал рабски, чуть не дословно».⁹ А М. О. Габель даже полагает, что для Княжнина уж не столь характерна «перенимчивость», подражательность, упорное следование за иностранными образцами, присвоение отдельных сцен, ситуаций, монологов популярных французских трагедий, о чем неоднократно писалось.¹⁰ Особое значение в этом отношении придает Габель «Ольге», которая якобы «намечает также некоторые новые пути в преодолении устойчивых штампов трагедии».¹¹

Сопоставление «Ольги» с майковским переводом «Меропы» Вольгера приводит, вопреки приведенным мнениям Веселовского и Габель, к малоутешительным для Княжнина выводам. Шаг за шагом следуя за Майковым, Княжнин в то же время не отказывается и от дословных заимствований. Таким образом, Княжнин без каких-либо перемен перенес в свою трагедию

⁶ М. Габель, ук. соч., стр. 368.

⁷ Федор Козельский, Сочинения, т. II, издание второе, исправленное и умноженное. СПб., 1778.

⁸ Н. И. Греч. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, стр. 206. Далее Мерзляков восклицает: «Вот что значит подлинно переключать на русские нравы!».

⁹ Юрий Веселовский. «Литературные очерки», т. I. Изд. 2-е, М., 1910. Статья «Идейный драматург екатерининской эпохи: Княжнин и его трагедии», стр. 344.

¹⁰ М. Габель, ук. соч., стр. 367—368.

¹¹ Там же, стр. 367.